

Общая газ. - 1999. - 4-10 апр. - с. 10.

Анатомия поп-героя

Эдуард Лимонов играет в себя как в куклы

ПО ПРИЗНАНИЮ автора, книга «Анатомия героя» (Смоленск, «Русич», 1998) сложилась из трех недописанных: любовной исповеди, батальной прозы и партийной брошюры. Эти составляющие налицо.

Первый слой посвящен покинувшей героя второй жене и молодой пассии; второй слой составляют военные корреспонденции; третий содержит статьи из газеты «Лимонка» и хронику партийной борьбы. То, что этот коктейль оказался под одной обложкой, благо: каждый из слоев сам по себе беден.

Герой в роли обманутого мужа знаком читателю по двадцатилетней давности роману, визитной карточке автора, «Это я — Эдичка». Налицо повтор: героини «Эдички» и «Анатомии» взаимозаменяемы, обе авантюристки, неудавшиеся модели, посредственные сочинительницы и, происходи дело в прошлом веке, потенциальные пациентки доктора Ломброзо. Схожи они даже внешне: вульгарны, высокого роста, болезненно худы. Разница в том, что первая предпочитала наркотики, вторая алкоголь. Женщины любого иного типа, отличного от этих русских Манон Леско, кажутся герою пресными буржуазками.

Но налицо эволюция самого героя: в давнем романе он был эмигрантом-неудачником, в последней книге предстает «всемирно известным» писателем и, что даже важнее, «суровым самураем», солдатом, вождем. Если измена женщины мужу, убивающему в ресторане, объяснима усталостью от убожества жизни, то «предать Солдата» — смертный непростительный грех.

Герой если и солдат, то — неведомой армии. Автор нигде не уточняет, какого рожна ему нужно в Боснии или в Абхазии. Он прибывает туда как корреспондент — репортажи приводятся. Но в отличие от Кольцова, Хемингуэя или Орвелла, участвовавших в «чужих» войнах по убеждению, он не коммунист, не либерал и не анархист. Герой очарован войной как таковой и очень хочет, чтобы его принимали именно за Солдата неважно какой армии, причем не за рядового, он слишком тщеславен для такой роли — в книге приведены фотографии героя рядом с командирами и политиками. Камуфляж, в котором он щеголяет, не маскирует, однако, его бутафорскую роль: герой — ряженый, он лишь играет в войну. Он сам это понимает: «я устал от чужих войн, мне нужна собственная война».

«Своя война» — это внутрироссийская политика. И вот, после двадцатилетней эмиграции, герой возвращается на родину — «воевать».

Страницы, посвященные политике, самые забавные и поучительные. Первым делом на родине герой пытается войти в доверие к лидерам левого крыла. Ведь он — бунтарь, отличитель либеральных ценностей и осквернитель западных могил. Но союз с левыми не задается: Зюганов оказался подлецом и трусом, Жириновский плагиатором и приспособленцем, Юрий Власов — предателем, Баркашов — мещанином. «Я много думал о Владимире Ильиче в те месяцы. Я понимал Ленина, приехавшего из Европы, как и я, к ним сюда, в этот климат, к их тяжелым душам. Как они его, очевидно, доставали!» Герою, преданному соратниками и не понятому народом (он дважды баллотировался в Думу), ничего не оставалось, как по примеру Ильича строить собственную партию и завести собственную «Искру».

Но какую партию строить герою, какую идеологию пользоваться?

Образования герой не получал, окончил школу рабочей молодежи. Он из простой среды, вырос на задворках провинциального рабочего города, среди шпаны, голубятен и «городков»; он делал себя сам, все впитывал, как губка, у него отличная память, набитая отрывочной информацией. Бог наделил героя литера-

турным даром, незаурядной волей и живучестью, он весьма неглуп, и невероятное честолюбие заставляет его считать себя аристократом духа: недаром он читает Мисиму и Эволю, ему близок дух иерархии и традиции, влечет фашизм муссолиниевой складки, он видит себя сверхчеловеком. Но это с одной стороны.

С другой, героическое плебейское происхождение, особенности психофизиологии и, как следствие, ненависть к «буржуазии» заставляют его сочувствовать люмпенам, тем более что деклассированные слои только и могут составить его потенциальный «электорат». Он — «праволевый», национал-большевик, «нацбол», как он именует себя, в его намерение входит сплавить в одном движении крайне левый и крайне правый радикализм. В чем нет никакого парадокса: яростный бунт против мира как такового хоть левого, хоть правого толка одинаково болезненно инфантилен.

Недаром страницы, посвященные «партийному строительству», живо напоминают Гайдара: герой с соратниками оборудуют «бункер, подвал жилого дома, где прежде был «красный уголок», точно как тимуровцы свое гнездо. Герой гордится тем, что его узнают на улице, любитесь собственной молоджавостью (Пушкин говорил о Радищеве, вернувшемся из ссылки, что «моложавость лица так же постыдна, как молоджавость мыслей»), по-гейски панически боится стареть, спит с двадцатилетними девицами и окружает себя юнцами-«партийцами». Неловко и говорить, что истинные гении — сокровенны, а приличный писатель должен бы стесняться, что его узнают на улицах. Но так или иначе, со своей потешной партией, комсомольской агитбригадой с фашистской атрибутикой, герой не в шутку намеревается взять власть в стране...

Об этой книге, составленной кой-как настриженными, не представляющими особого интереса отрывками дневников, не стоило бы, может быть, много говорить, когда б декларируемый в ней нонконформизм не носил столь откровенно «попсовый» характер. Герой Лимонова — поп-артист жизни, выступающий в стиле «прово» — играет, используя дешевую бутафорию и пиротехнические эффекты на второразрядных сценах для невзыскательной публики. И остается лишь поражаться, что даже эта публика проявляет достаточно благоразумия, чтобы не бросаться лимонковскому герою в объятия. Альтернативы у него нет: публика более просвещенная и «чистая» просто поднимет героя на смех.

Но не будем смешивать героя и автора: фигура самого Лимонова не лишена притягательности. Некогда, в 70-е он был очень заметен в поэтическом андерграунде; он написал полтора десятка книг прозы, и некоторые сделаны очень крепко, скажем, роман «Молодой негодяй»; рассказывали, что в парижской квартире Лимонова посетителей, путавших автора и его уличных героев, поражали свежайшие полотенца в ванной — это понятно, без повседневной самодисциплины написать так много прозы невозможно; наконец, играя «в солдатики», сам писатель не понарошку лез под пули, а, выдавая себя за политика, рискует, что его примут всерьез и ударят сзади тяжелым по голове, что, кстати, уже однажды случилось.

Писатель Лимонов вдохновенно играет в жизни роль придуманного им Героя, но — и это предостережение для впечатлительных юных неофитов — выбор личный, это итог индивидуальной судьбы, и глупо эту судьбу примерять на себя. В конце концов, и герой, и сам автор — поэты, но никак не учителя жизни, и нет у них универсального рецепта ни вашей, ни нашей свободы.

Николай КЛИМОНОВИЧ